

УДК 821.161.1.09

**О КОМПОЗИЦИОННО-АРХИТЕКТОНИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ
«ПРОРИЦАНИЙ» В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Г. С. Прохоров

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
кафедра литературы

Настоящая статья посвящена анализу «прорицаний» – особого компонента «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. Традиционно его рассматривают в качестве примера «чистой» публицистики – непосредственного слова биографического Ф. М. Достоевского. В полемике с указанными представлениями мы выявляем эстетическую сторону «прорицаний» и показываем, что данный элемент порожден не прямым словом писателя, но сложной диалогической, двухголосой системой, в которой по воле автора-творца в одном слове и предложении совмещены два различающихся между собой, но при этом взаимодополнительных видения – Публициста и Писателя. Так на границе художественного творчества и публицистической оценки рождается «Дневник писателя» как целостное, органически слитое произведение.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя», двухголосое слово, М. М. Бахтин, художественная публицистика.*

«Дневник писателя» – сочинение Ф. М. Достоевского, над которым писатель работал с 1873 по 1881 год. Его отдельные фрагменты – такие, как «Мальчик у Христа на елке», «Кроткая», «Сон смешного человека», имеют отчетливо художественный характер; другие – «Нечто личное», «Ряженный», «По поводу выставки» – публицистический. Такая композиция позволила исследователям рассматривать сочинение как сумму разнородных частей (ср. крайне показательное в этом плане название кандидатской диссертации В. А. Туниманова – «Художественные произведения в “Дневнике писателя” Ф. М. Достоевского [9]).

Среди фрагментов «Дневника писателя» особо выделяются так называемые «прорицания». Данное определение восходит к самому Ф. М. Достоевскому – глава «Опять в последний раз прорицания» [6, т. 14,

с. 365–367]. Это эпизоды, в которых автор «Дневника писателя» говорит о «последних» судьбах Европы, России, христианства. Традиционно их рассматривают как очевидно публицистические: «Стремление доказать, что он провидец, видно везде. То Достоевский выступает в роли толкователя предсказаний из книги Иоанна Лихтенберга за 1528 год, пытаясь объяснить туманные пророчества последнего, то пишет статью, где доказывает, что его предсказания сбываются <...>. Едва ли можно доказать, что Достоевский был пророком[,] особенно с мистической точки зрения, <...> [н]о нельзя, основываясь на этом, всецело отрицать способность Достоевского <...> строить своеобразные гипотезы, которые можно рассматривать как попытки

заглянуть в будущее» [3, с. 163–164; ср.: 10, с. 28]. Однако они не просто «квинтэссенция» публицистического начала «Дневника писателя», но и замена начала художественного: «...если раньше после “скучных” profession de foi прибавляется удивительный рассказ “Мужик Марей”, то теперь он не затрудняет себя подобными “тонкостями” и заполняет сплошь десятки страниц политическими комментариями, прямыми profession de foi и бесконечными пророчествами» [9, с. 113].

Эти представления о публицистичности «прорицаний» и их альтернативности по отношению к художественным фрагментам нуждаются в корректировке. Как мы постараемся показать в настоящей статье, художественная воля автора-творца проникает и в «прорицания», организуя их таким образом, что ментатив (публицистическое рассуждение) предстает лишь одним из изображающих голосов, пусть и доминирующим.

«Дневник писателя» в целом организован чередованием трех форм речи – повествования, описания и характеристики (о значении понятий см.: [8, с. 227–235]). При этом фрагменты, находящиеся в сфере Публициста, выстроены по схеме *повествование* → характеристика, тогда как принадлежащим Писателю компонентам свойственна схема *повествование* → описание: «*А между тем там присяжный заседатель понимает, чуть только займет свое место в зале суда, что он – не только чувствительный человек с нежным сердцем, но прежде всего гражданин <...>. Способность быть гражданином – это и есть способность возносить себя до целого мнения страны*» (здесь и далее выделено мной – Г. П.) [6, т. 12, с. 16] vs. «*Но мне еще долго мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь... Я все воображал себе его фигуру: сказано, что он высокого роста, очень плотного сложения, силен, белокур. Я прибавил бы еще – с жидкими волосами. Тело белое, пухлое, движения медленные, важные, взгляд сосредоточенный, как многоценный бисер, и сам ценит их прежде всех. Свидетели показали, что характера был жестокого...*» [6, т. 12, с. 23]. Такое сочетание речевых форм связано с описательностью и рациональностью публицистики, с одной стороны; с другой – с эстетически восполняющим, фикциональным характером зарисовок. Эта самая модель, пронизывающая весь «Дневник писателя», в прорицаниях очевидно нарушена.

Рассмотрим фрагмент 1877 года «Толки о мире. “Константинополь должен быть наш” – возможно ли это? Разные мнения» [6, т. 14, с. 359].

Внешне перед нами субъективный рассказ о текущих европейских событиях, завершающийся четкими характеристиками: «...Европа с часу на час не та становится теперь, что была даже назад тому полгода, и даже до того, что за три месяца вперед ручаться теперь невозможно – до того может измениться даже к будущей весне прежний лик ея. <...> А потому и толковать об условиях мира лишь на прежних данных, недостаточно оценивая того, что все эти прежние данные двинулись сами с места, текут, улечиваются, ждут сами новых определений – мне кажется, будет тоже ошибочно» [6, т. 14, с. 359]. И тем не менее перед нами не только *рассказ* о европейских делах, но и *фикциональная зарисовка* – чаяние, ставшее реальностью во внутреннем мире «Дневника писателя» (ведь в эмпирической реальности Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия никуда не деваются). Полисубъективная, полистилистическая двойственность пронизывает «прорицания». Публицист буквально

обрушивается на идею будущей независимости Константинополя как общего достояния восточно-христианских народов: «Н. Я. Данилевский решает, что Константинополь должен когда-нибудь стать общим городом всех восточных народностей. <...> Такое решение, по-моему, удивительно» [6, т. 14. с. 360]. Снова отчетлива видна привычная для «Дневника писателя» публицистическая связка повествование → характеристика, а вместе с ней – объектный характер «чужого» слова и острое идеологическое неприятие «чужого» содержания: «И представьте, чем кончает: он выводит, что пока надо продлить существование Турции <...>. Разумеется, автор предполагает при этом новом существовании Турции полнейшее влияние на нее России и, так сказать, зависимость Турции от России. Но для чего такой маскарад? Рассудите: владыка Россия, а все-таки на время надо турку поставить» [6, т. 14, с. 363].

Для Н. Я. Данилевского Константинополь – или совместное владение всех исповедующих Восточное христианство народов, или город турецкий; для Публициста – занятый турками русский город: «Константинополь должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки» [6, т. 14, с. 360]. Однако откуда появилась мысль о русском Константинополе, – городе греческом?

Идея эта не вытекает из логических посылок, она даже не плод рассуждений Публициста. Взята она из зарисовки: «...все эти народы лишь перессорятся между собою в Константинополе за влияние в нем и за обладание им. Ссорить их будут греки. Завидовать тому, что они владеют такой великолепной точкой Европы и земного шара будут и западные славяне...» [6, т. 14, с. 361]. Зарисовка амбивалентна в речевом отношении. Вроде использована система повествование – характеристика, однако, то, чего нет и что лишь *может быть*, трудно назвать событием, а рассказ об отсутствующей в действительности ситуации – повествованием. Перед нами скорее *описание* Константинополя, как если бы он стал вольным городом, иначе говоря, описание гипотетическое. Так в одну фразу входят два слова, два субъекта рассказа и оценки: один повествует, другой описывает могущее быть.

Для Публициста переход Константинополя под юрисдикцию России – бесспорный факт, предопределенный историческим движением. Для него нет в этом событии никакой гипотетичности, оно в будущем, но будущем синтагматическом (как часть предложения, которая уже написана, но до которой еще не дошел читатель) – ср.: «Самая последовательность, в которой группирует биограф факты развития, а отсюда и все свои факты вообще, есть последовательность вовсе не хронологическая, а непременно синтаксическая <...>. Иными словами, развитие понимается мною здесь точно так же, как словесный контекст. <...> И если фраза, синтагма, есть, в конце концов, то же слово, поскольку на нее без остатка переносятся все качества последнего, то и развитие есть не что иное, как только синтаксически (вовсе не эволюционно!) развернутая личность» [1, с. 40–41]. Как по мере чтения увеличивается глубина его понимания, так и Публицист с течением рассказа о «нашем Константинополе» приводит все больший объем деталей. Эти детали более чем специфичны. Дано: Россия занимает Константинополь, чтобы там служить славянам [6, т. 14, с. 360]. Однако вдруг выясняется, что из славян следует

исключить западных, которые будут завидовать [6, т. 14, с. 361]. Публицист утверждает: «Константинополь есть центр *восточного мира*, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия» [6, т. 14, с. 361], однако, из восточного *мира* следует исключить греков: «Предстоятели православия в Константинополе могут унизиться до интриги, мелких проклятий, отлучений, неправильных соборов и проч<его>, а, может быть, упадут и до ереси – и все это из-за национальных оскорблений и раздражений» [6, т. 14, с. 361]. По мере развития ментатива следствия все дальше и дальше отрываются от исконной посылки, становясь суждениями о территориальном владении и подчинении: «Она спасет их друг от друга и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его. И, наконец, она же и лишь она одна способна поднять на Востоке знамя новой идеи и объяснить всему восточному миру его новое назначение. Ибо, что такой восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия» [6, т. 14, с. 362]. По мере приближения к характеристике («Восточный вопрос есть в сущности...») свобода замещается субординацией («...спасет их друг от друга...», «способна... объяснить [~ продиктовать – Г. П.] всему восточному миру его новое значение» [6, т. 14, с. 362]. Выстроенная Публицистом цепь некогда буквально шокировала Л. П. Гроссмана, принявшего публицистический ряд посылок и выводов за единственный смысл эпизода: «...завершение битвы представляет[ся] ему полным торжеством высшей мировой идеи. Рассадник материализма и атеизма, Франция сломлена железом и кровью. Царьград, очищенный великой войной от магометан в руках России. Англия, как и Франция, подчинилась натиску объединенных русско-германских сил. И вот тут-то наступает, наконец торжество славянской идеи. Европа, разрубленная, изрезанная и перекроенная Бисмарковским мечом, принимает с Востока новую религию и признает, наконец, истинное христианство “после рек крови и ста миллионов голов”. Достоевский имеет мужество окрестит[ь] этот предполагаемый исторический процесс “свободным всеславянским единением Европы”».

Здесь во всей полноте обнаруживается исконный грех его *философии европейских судеб* (выделено автором – Г. П.) – насаждение православия огнем и мечом. Достоевскому не хватало мужества великих идолов и практиков империостроительства – Наполеона или Бисмарка – называть неприглядные вещи их жестокими именами и не скручивать Евангелия в рукоять для своего меча» [4, с. 109].

Прочтение Л. П. Гроссмана, типичное и показательное, в действительности не обладает неопровержимостью: ученый допустил весьма распространенную погрешность – принял стилизацию за стиль. В действительности Публицист никогда не остается с текстом «Дневника писателя» один на один. Именно поэтому рядом с самыми жесткими инвективами параллельно сквозит «другое» слово, парадоксально приближенное к критикуемому мнению Н. Я. Данилевского, – о временном владении Константинополем, о защитном характере владения и т. п. «Россия будет владеть лишь Константинополем и его необходимым округом, равно Босфором и проливами, будет содержать в нем войско, укрепления и флот, а так должно быть еще долго, долго» [6, т. 14, с. 360], «России именно нужно и

даже *полезно* теперь на *некоторое время* забыть *хоть немножко* Петербург и *побывать* на Востоке...» [6, т. 14, с. 361], «Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных народностей*, не различая их с славянами» [6, т. 14, с. 362]. Идеальное управление Константинополем, как оно явлено, но не охарактеризовано, в своем пределе совпадает с «мечтой» Данилевского: «Так что не только правильная федерация между ними, но даже просто согласие есть, без сомнения, лишь мечта будущего. А пока новой единительной для них силой и будет Россия» [6, т. 14, с. 362].

Бесконечные временные характеристики – «служение России славянам теперь еще не окончится, а будет еще продолжаться в веках, что ею только, и великой центральной силой ее, славяне и будут на свете жить» [6 т. 14, с. 360] – подчеркивают гипотетический характер картинок. Они о могущем быть, они фикциональны – в конечном счете, они описания, порожденные Писателем:

«Разница между художественным и всяким другим гением заключается, по-видимому, в том, что художник отчетливее других людей видит в своем духе и увереннее их утверждает всю картину совершенного мира, тогда как всякий другой гений видит и утверждает только одну какую-нибудь часть этой картины <...>. Искусство не формулирует никаких отдельных законов совершенства, и оттого не впадает в ошибки, с какими неизменно сопряжена подобная формулировка норм; но оно поддерживает в людях общее упование и общее доверие к их высшему, целостному опыту наперекор раздельному опыту внешних чувств» [2, с. 4].

Фикциональные картинки, включая в себя общее, высшее, упование, включают в себя моменты, оставшиеся не замеченные Публицистом или даже прямо отвергнутые им, как, например, мысль о независимости Константинополя. В «прорицаниях» параллельно прямым призывам и обоснованиям Публициста содержится и уравнивающее их видение Писателя, гораздо более глубокое. Подчеркнем, двойственность источника речи в публицистике (да и романном наследии) Ф. М. Достоевского уже была многократно отмечена: «Так предстала, по Глебу Успенскому, эта “двойственность”, внутренняя противоречивость тогдашних социально-политических воззрений Достоевского, создавшего, вернее, пытавшегося создать для себя систему идей, в которой так хотелось ему совместить “несовместимое”» [5, с. 278; ср.: 7, с. 184]. Тем не менее стоит вести речь скорее не о двойственности-противоречивости, а об особой, позитивной взаимодополнительной двойственности, воплощающей замысел автора-творца. России нужен и ценен Константинополь, чтобы с древней кафедры восточных патриархов чувственно-конкретным примером явить другой тип владения, управления, единства, отличный от ставшего привычным для Западной Европы, объединенной или дисциплиной с подчинением авторитету (католицизм), или порядком, установленным светской властью (германский протестантизм). Игнорирование этого второго слова с неизбежностью ведет к удивительному смысловому снижению «Дневника писателя»: «Европа в процессе умирания. Великая творческая душа ее уже оставила тело, но оно еще продолжает шевелиться и двигаться, как змея с раздавленной головой. <...> Этот затаенный ужас западного мира перед собственным обликом

Достоевский не почувствовал в своих скитаниях. Он не расслышал плача старой Европы над разбитыми иллюзиями прежних столетий и под погребальный звон своей публицистики начал хоронить воображаемого покойника, не замечая, что его расширенное скорбью сердце продолжало по-прежнему взволнованно биться» [4, с. 74].

Наоборот, прорицания есть ответ не Публициста, а автора-творца на этот самый плач старой Европы. Именно поэтому Публицист не остается единственным субъектом речи и оценки, а его голос не становится всеведущим. Он говорит «двойным» словом. Автор-творец изображает, как тональность, логические следствия, предложения Публициста ведут прежде всего к разрушению той самой мечты, в которую сам Публицист вроде как истово верит. Находясь не в Публицисте, но скрываясь за ним, Ф. М. Достоевский показывает, как реализация мечты о Константинополе обычными «европейскими» средствами ничем не поможет Европе, но лишь воплотит опасность, издавна нащупанную в «Дневнике писателя»: «И если, действительно, Европа постучится к нам за тем, чтоб мы встали и шли спасать ее l'Ordre, то, может быть, тогда-то лишь в первый раз мы и пойдем все вдруг разом, до какой степени все время не похожи были на Европу <...>. А пожалуй, не пойдем и тогда, ибо будет поздно. <...> И не пойдем ли мы напротив усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как и князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя *вполне европейцами*» [6, т. 13, с. 104]. Слишком далеко отсюда выстроенное вокруг прямых сентенций Публициста восприятие «Дневника писателя» Л. П. Гроссманом: «Достоевский-публицист был всецело человеком бисмаркской эпохи, строящим мировую политику с предполагаемых точек зрения германского канцлера» [4, с. 106].

«Двойное» слово – фундамент, на котором зиждятся прорицания. Оно, с одной стороны, действительно провоцирует прочтение прорицаний как странных «кликлушеств»: «...Достоевский в политическом отношении не был пророком. <...> за пределом своего посмертного десятилетия Достоевский терял способность ориентироваться в европейских соотношениях. Ни одной политической тенденции, не успевшей еще определиться в его современности, он не разглядел» [4, с. 106]. Но с другой стороны, тот же самый прием позволил автору-творцу явить амбивалентный облик «русского мира», в котором мечта о своем новом, «соборном» предназначении тесно соседствует с вполне «европейской» идеей-фикс о военно-политическом «реванше» – захвате и подчинении бывшей столицы Восточной Римской империи, Царьграда.

Список литературы

1. Винокур, Г. О. Биография и культура [Текст] / Г. О. Винокур // Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. О. Винокур. – М. : Русские словари, 1997. – 174 с.
2. Гершензон, М. О. Видение поэта [Текст] / М. О. Гершензон. – М. : ГИЗ, 1919. – 80с.
3. Гришин, Д. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского [Текст] / Д. В. Гришин. – Мельбурн : MUP, 1966. – 270 с.

4. Гроссман, Л. П. Достоевский и Европа [Текст] / Л. П. Гроссман // Три современника: Тютчев – Достоевский – Аполлон Григорьев / Л. П. Гроссман. – М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1922. – 120 с.
5. Долинин, А. С. Последние романы Достоевского [Текст] / А. С. Долинин. – М.; Л. : Советский писатель, 1963. – 344 с.
6. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений [Текст] : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, Ленинградской отд. 1988-1996. – Т. 12 : Дневник писателя. 1873. Статьи и очерки, 1873–1878. – 1994. – 283 с. – Т. 13 : Дневник писателя. 1876. – 1994. – 426 с. – Т. 14 : Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881. – 1995. – 784 с.
7. Зунделович, Я. О. Образ мира Достоевского в его социально-философском романе «Братья Карамазовы» [Текст] / Я. О. Зунделович // Романы Достоевского : статьи / Я. О. Зунделович. – Ташкент : Средняя и высшая школа, 1963. – 243 с.
8. Тмарченко, Н. Д., Тюпа, В. И., Бройтман, С. Н. Теория литературы [Текст] : в 2 т. / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Т. 1. – М. : Academia, 2004. – 512 с.
9. Туниманов, В. А. Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В. А. Туниманов ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1965. – 317 л.
10. Щурова, В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского: типология, жанр, антропология [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / В. В. Щурова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 167 л.

THE SYMBOLIC FORM OF SOOTHSAYING IN THE *DIAEY OF A WRITER* BY F. M. DOSTOEVSKY

G. S. Prokhorov

Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute
The department of literature

“Soothsaying” is a special compositional element of the *Diary of a Writer* by F.M. Dostoevsky. From the first treatments till the latest ones the element has been interpreted as a typical journalism i.e. a text built by the direct assertions of Dostoevsky. Now, we contest the notion. We reveal in the so-called example of “pure journalism” the author-creator's aesthetic will that, being hidden, imbues the soothsaying. Publicist has never been the sole person who speaks in the element. Behind him, there is other mind – a Writer who is invisible but whose visions are shared with readers. Writer's visions are often more profound than Publicist's subsequences, so the every soothsaying consists of two semiotic levels (description of the common-place reality and fictional sketches) and of two speakers (the Publicist and the Writer). The sources of speech differ as persons but their voices are integrated in one dialogic text. The two speak in ones sentences and ones words. Eventually, the soothsaying seemed as a typical the *Diary of a Writer's* journalism is, in reality, the “double-voiced word” (M.M. Bakhtin) by which the author creates his *Diary of a Writer* as an individed aesthetic and journalistic unity.

Key words: *F. M. Dostoevsky, the Diary of a Writer, double-voiced word, M. M. Bakhtin, aesthetic and journalistic unity.*

Об авторах:

ПРОХОРОВ Георгий Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (140411, Московская обл., Коломна, ул. Зеленая, д. 30), e-mail: hoshea.prokhorov@gmail.com

Научная библиотека ТвГУ